

Восточно-Сибирская
пресса, Иркутск,

1973, 23 июня

ВСЕ В ТВОИХ РУКАХ

Людмила Брыткова уже показала весь свой гастрольный репертуар. Зоя в «Сталеваарах», Бланш в «Трамвае «Желание», герцогиня Мальборо в «Стакане воды», Геля в «Варшавской мелодии», Виола в «Двенадцатой ночи» Шекспира. Советский инженер и герцогиня, растоптанная буржуазной действительностью мечтательница и польская певица. Диапазон гастрольных ролей уже позволяет говорить об актерском диапазоне, о профессиональной ответственности перед товарищами по сцене, перед зрителями.

Появление Л. Брытковой на сцене придает особую заряженность спектаклю, будь то «Сталеваары», где она исполняет по существу проходную роль, или «Варшавская мелодия», где только два героя — она и ее партнер. Есть такое театральное понятие «нерв роли», «нерв актера». Он может нести в себе и расхожий смысл ложной театральщины, и хорошую наполненность чувством и мыслью. Можно спорить или не принимать Бланш Брытковой, можно говорить о неверном истолковании Уильямса, но именно эта роль выявляет незаурядный потенциальный заряд ее актерской личности.

Брыткова — в той творческой поре, когда работа ее смотрится с постоянным интересом именно потому, что приходит она на сцену с обнаженностью чувств, когда молодая увлеченность театром, своим делом не покрылась еще флером театрального штампа, когда недостающее мастерство компенсируется искренностью и глубокой убежденностью нужности своего дела. Роли ее даже в одном спектакле могут быть неровными, как было с Гелей в «Варшавской мелодии», но каждый раз они вырываются из общего течения спектакля неприкрытым желанием говорить со зрителями на пределе откровенности. Порой ей мешает ощущение зрителя, ощущение рамп, тогда появляются статуарность, явная эксплуатация своих отличных внешних данных — роль идет по поверхности, по сюжетным линиям. Когда же актриса забывает о сцене, она органична и убедительна.

Л. Брыткова — в периоде бурного роста, она впитывает в себя театр, его звуки, запахи, мысли. Да, за плечами уже семь лет сценической жизни. За плечами Наталья в «Тихом доме», Нина в «Старшем сыне» Вампилова, Лили Белл в «Странной миссис Сэвидж», Людмила в «Судьбе чекиста» Мдивани, позади и роли служанок, и отдельные эпизоды, и проходные спектакли. Но дело ведь не в том, сколько их было, ролей, а в том, как прожиты эти семь лет, было ли это постижением театра или просто служением на сцене. Режиссеры, товарищи по работе утверждают, что Брыткова идет «семимильными шагами».

Говорить с ней интересно. Она и в жизни, как и на сцене, предельно нервно заряжена. Она знает театральную периодическую литературу, новые театральные постановки не только Москвы, Ленинграда, но и периферийных театров, знает, кто и как до нее играл ее роли. Знания эти переполняют ее и, наверное, в какой-то мере мешают творить по логике сердца, а не только по логике ума, хотя без последнего трудно представить себе хорошего современного актера. Актриса сейчас на том этапе в своей творческой биографии, когда нужны время и время, большая работа и полная самоотдача, чтобы иметь и уметь, что сказать зрителям. Семь лет на сцене — это еще только вексель в большую сценическую жизнь. Будет ли он оплачен сполна — все в ее руках.

П. ФЕДОРОВА.